

Одной из принципиальнейших примет нового героя есть нахождение в его природе категории противоречия. Доотепельный герой тяготел к нормативной идеализации, теперь же герой в своей ориентации на жизнеподобие представляет собой гораздо более сложную структуру парадоксальных, противоречивых, составляющих.

Герой через предельно честный диалог с самим собой актуализирует одну из основных этических категорий Оттепели – искренность, которая явилась культурно – структурирующей категорией для этого периода истории. Именно в Оттепель в противовес лицемерно – оптимистической советской песне развивается пронзительно искренний жанр авторской песни. Появление интровертного героя в литературе связано с развитием особого жанра – лирической прозы.

Сотворяя свою собственную личностную модель поведения, оттепельный герой актуализирует оппозицию нормативного и творческого. Идея творчества выражена моделью поведения Димки и друзей – как сознательного выстраивания линии антиповедения, с точки зрения общественной морали. Стиляги разрушали жесткие догмы советского общества своим способом – эпатируя внешними атрибутами, выдерживая игровую модель поведения, создавая свой искусственный язык общения; возникало совершенно иное, свободное пространство в советской общественной структуре.

Творчество в оттепельном культурном контексте наиболее полно выражал частотный герой ученого – творца, олицетворяя собой то абсолютное свободомыслие, которое и было философской доминантой Оттепели.

Оттепельный герой верит, что идеалы истинного социализма не противостоят идее свободы отдельной личности.

Литература:

1. Аксенов, В. Апельсины из Марокко / В. Аксенов. – Москва: Эксмо, 2008.

АНТРОПОНИМЫ С ФОРМАНТОМ -АЙ ПРАСЛАВЯНСКОГО ПРОИСХОЖДЕНИЯ

Бабак О.И.,

студентка 4 курса УО «ГТУ им. Ф. Скорины», г. Гомель, Республика Беларусь

Научный руководитель – Козлова Р.М., доктор филол. наук, профессор

Изучение антропонимов, которые отражают стратум лексики, не сохранившейся в современных языках, позволяет более глубоко постичь особенности быта, культуры, обычаев наших предков славян. Объектом данного исследования являются антропонимы с формантом -ай: Бедай, Беляй, Гуляй вітер, Кульгай, Мешай, Нецветај, Скрипай и под. Цель исследования – выявление праформ славянских антропонимов на -ай. Были применены сравнительно-исторический, описательный методы.

Исследуемый формант -ай восходит к праславянскому *-ајь, что отмечал польский лингвист академик Ф. Славский, который представил теоретическую базу аффикса *-ајь [1, с.88]. Впоследствии другие ученые, решая задачи реконструкции праформ, дополняли теоретическую базу форманта *-ајьязыковыми фактами, среди таких лингвистов Р.М. Козлова, В.П. Шульгач и др.

Ученые сектора ономастики и этимологии Института русского языка АН России, который возглавлял О.Н. Трубачев, также выделяли в праславянском деривационном фонде словообразовательную модель с формантом *-ајь, что нашло отражение в Этимологическом словаре славянских языков. Однако следует отметить, что реконструкции носят несколько непоследовательный характер: *běž-(a)jь (ЭССЯ 2, 91), *χodj-ајь (ЭССЯ 8, 49-50), *kQš-ајь (ЭССЯ 12, 60), *ktoč-ајь (ЭССЯ 12, 178), *krQž-(a)jь (ЭССЯ 13, 36), *kyt-aj-a/*kyt-ајь (ЭССЯ 13, 280) и др.

В результате изучения лексикографических и ономастических источников был обнаружен ряд антропонимов, которые следует относить к лексике славянского праязыка:

*Dorgajь. Реконструировать праантропоним *Dorgajь позволил следующий материал: Доргаево – ойконим в Кирилловском у. Новгородской губ., южнослав. Dragaj– ойконим в Янинской области Загорион – отантропонимного происхождения [2, с.144]. Нами также были обнаружены антропонимы: русск. Доробаев(Дзержинск в Нижегородской области), болг. Дръгайка, Драгайка (Морошкин 79).

*Kъpnajь. Праформа *Kъpnajь восстановлена исследователями на материале др.-русск. Корнаевъ, русск. Кырнаев, серб. Крнајац, Крнајску – антропонимы, Крнаја – ойконим, словен. Kpnajč – антропоним и др. [2, с. 159]. Был обнаружен антропоним, расширяющий ряд славянских языков, в которых сохранились собственные имена, восходящие к праформе *Kъpnajь: польск. Kornaj (Вроцлав).

*L'utajь, *L'ut'ajь. Реконструировать праантропонимы *L'utajь и *L'ut'ajь позволил материал русск. Лютаев – антропоним, Лютяев – яр на левом берегу Потьмы в системе Оки [2, с.88].

*Sъrgajь, *Sъrgajь. Праформа *Sъrgajь восстановлена лингвистами на основе укр. Сургај – антропоним, словен. Sržajь – антропоним и др. [3, с. 123].

*Сѣгмаѣ. Реконструировать праантропоним *Сѣгмаѣ позволил материал укр. Сирмай, Сірмай, Сурмаї, Шамрай – антропонимы, польск. Surmaj – антропоним и др. [3, с. 19-20]. Нами были обнаружены антропонимы: др.-русск. Шамрай (Тупиков 435), польск. Szamraj (распространен в городах Тыхоля, Хойнице).

*Сѣграѣ. Праформа *Сѣграѣ была восстановлена на материале бел. Шарпаеў, русск. Шарпаев – антропонимы и др. [3, с.52]. Нами был обнаружен русский антропоним Шарпай (Санкт-Петербург), дополняющий материал, на основе которого была реконструирована праформа.

*Vidaѣ. Праантропоним *Vidaѣ реконструирован на материале серб. Видаѣа, хорв. Vidajić, польск. Widajewicz [4, с.77]. Были также обнаружены антропонимы, дополняющие материал, на базе которого была реконструирована праформа: русск. Видаѣ (Оренбург), Видаев (Самара), укр. Видаѣ (г. Обухов Киевской области), польск. Widaj (Варшава).

Необходимо отметить, что при восстановлении вышеназванных праантропонимов исследователи учитывали соответствующие единицы других классов онимов, которые удостоверяли реконструкцию.

Подчеркнем, что на данном этапе разработки предложенной темы сложно делать выводы относительно распространенности изучаемой словообразовательной модели в праславянском языке, однако ее существование в деривационном фонде славянского праязыка должно быть принято.

Литература:

1. Sławski, F. Zarys słowotwórstwa prasłowiańskiego. Słownik prasłowiański / Podred. F. Sławskiego. – Wrocław – Warszawa – Kraków – Gdańsk. – T I. – 1974. – 141 с.
2. Казлова, Р.М. Беларуская і славянская гідронімія. Праславянскі фонд: в 4 т. / Р.М. Казлова. – Гомель: ГГУ, 2002. – Т II. – 264 с.
3. Козлова, Р.М. Славянская гидронимия. Праславянскі фонд: в 4 т. / Р.М. Козлова. – Минск: ИООО «Право и экономика», 2006. – Т IV. – 310 с.
4. Казлова, Р.М. Беларуская і славянская гідронімія. Праславянскі фонд: в 4 т. / Р.М. Казлова. – Гомель: ГГУ, 2000. – Т I. – 262 с.

ЛИЧНОСТЬ ХУДОЖНИКА В ПОВЕСТИ А.Н. АНДРЕЕВА «АПЕЛЬСИНЫ НА АСФАЛЬТЕ»

Бальцевич Ю.Н.,

магистрант УО «МГУ им. А.А. Кулешова», г. Могилев, Республика Беларусь

Научный руководитель – Иванов А.В., канд. филол. наук, доцент

Мы в разной степени зависим от общества, от мнений и настроений, бытующих в нём. Главные герои прозы А. Андреева – это люди, бросающие вызов окружающему миру, пытающиеся сломать устои, сформированные на протяжении многих лет или даже веков. Так и герой повести «Апельсины на асфальте» художник, Оскар Михайлович Малахов, дожив до пятидесяти лет и встретив свою любовь, решает бросить вызов миру, в котором живёт и тем канонам, которым подчиняется.

Что такое талант? Картины, написанные по заказу и приносящие хорошие деньги, известность и славу? Нелепые карикатурные рисунки, подражающие истинной красоте? Или же обыденный, житейский пейзаж, в котором кроется истинная красота, но, почему-то, не вызывающий у окружающих никаких эмоций, кроме разочарования и непонимания? Ответ на этот вопрос был известен главному герою, который в погоне за известностью, забыл про свой талант, дремлющий где-то в глубине его души: «Им, друзьям, недругам и всем, кому на меня наплевать, нужна была сиреневая мазня, я это отчётливо понимал. Я должен был сделать вид, что слегка почудачил, и вернуться к своим условным теням, облакам и деревьям, – всему тому, что при известной сноровке мог бы намалевать любой пьяный бобёр своим мокрым хвостом. Мне нужно было отказаться от себя – и тогда бы мне всё простили, да ещё и приняли в свои ряды как героя» [1, с. 310].

Оскар Михайлович Малахов гнал от себя известный ему ответ, жил по закону общества, которое принимала его «сиреневую мазню», от которой художника «воротило» и в котором он слыл «неподражаемым колористом» [1, с. 275]. С точки зрения главного героя, на то и нужны законы, чтобы их нарушать. И вот, в один из дней вопрос незнакомой девушки о реальности его теней просто вернул к жизни Оскара Михайловича. Необъяснимый интерес к Марусе заставил главного героя пригласить её на ещё одну встречу. Именно это приглашение и стало толчком к перерождению художника, отказом от сиреневой мазни и возвращением к незамысловатым пейзажам, в которых было буйство ярких красок, насыщенных любовью и жизнью. По какой-то неизвестной причине Оскару Михайловичу хотелось нравиться Марусе, видеть, ощущать её присутствие рядом. Ответ был найден сам собой – всему виной простое человеческое чувство – любовь.

Кто-то скажет, а, если не скажет, то обязательно подумает, что любовь в пятьдесят лет как минимум – нелепа, а максимум – просто невозможна. А если это любовь к молодой двадцатилетней девушке, то она просто абсурдна. Таково мнение общества. Общество раз и навсегда установило свои законы, нарушать которые – значит идти против социума. Вот и Оскар Михайлович долгое время не может решиться на бунт, на протест, с которым он обретёт свободу, своё собственное «Я»: «Я так и не добил сам себя; я всё ещё жил, подчиняясь какому-то антиобщественному закону» [1, с. 311].